

**Соловьев-Несмелов Николай
Александрович**

Простые люди

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович С.**
Простые люди / Соловьев-Несмелов Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 92 с.

ISBN 978-5-519-74838-4

Из жизни ремесленников

ISBN 978-5-519-74838-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

По пустырю поднялась бѣготня; подростки метались изъ стороны въ сторону, подвергались подъ ноги бородаатымъ. — „Пошелъ дальше!...“ — „Стой на своемъ мѣстѣ!...“ — „Ванитка, не лѣзь!...“ — Митюшка, зачѣмъ подъ локоть суеться... носъ расквасишь!... — „Ильичъ, куда?... на старости ногу сломишь!...“ кричали, шумѣли, толкались и минутно ссорились все кругомъ, — каждый хотѣлъ словить мячъ, или перехватить его у другого: одни удержать игру за своей партіей, другіе отбить ее у противниковъ. Въ это время каждый дышалъ полной грудью, жилъ минутою уснѣха своей партіи. Вотъ они сбѣжались надъ мячемъ толпою, сбились въ кучу, — поднялся гудящій, оглушающій крикъ, точно крикъ большихъ безпокойныхъ птицъ, собравшихся на ночлегъ, которыя никакъ не могутъ спокойно и сразу подвернуть голову подъ крылья и заснуть, не накричавшись вдоволь...

Пустырь — спокойный въ обычные дни — теперь ожилъ, — только по воскресеньямъ и по большимъ праздникамъ выходили сюда столяры — подмастерья, ученики и мастера — большой мастерской Чemezова весной и лѣтомъ — играть въ лапту, осенью — въ ясные дни — въ свайку, — это были любимыя ихъ игры; зимой они на томъ же пустырьѣ устраивали горы, катокъ, куда сбѣгались ребяташки со всей Кра-

пивной улицы, гдѣ была мастерская столярная Чеме-зова, и тогда только ночью затихалъ снѣжный, мѣстами обледенѣлый пустырь.

— Архипъ, Архипъ Долгій поймалъ!... слышались голоса... Ильичевская партія взяла... идемъ Синявинскимъ на смѣну... будетъ, довольно подержались на конѹ.... ишь, ловкачи!.... шли разговоры одолѣвшей партіи.

— Что, Нилушка, прозѣвалъ, а еще глазасть!....

— Неправдой, Ѳедоръ Потапычъ, взяли... право, неправдой... мячъ - то совсѣмъ у меня въ рукахъ былъ..... Николка — Сорока-бѣлобока — застрекоталъ, толкнулъ подъ локоть... онъ выскочнулъ изъ руки-то, — они и подцѣпили...

— Говори-и.... проворонилъ!..

— Не проворонилъ, а съ этими стригунами сладу нѣтъ... мечутся тоже не въ дѣло!.... отирая полый сѣраго пиджака потъ съ лица, негодовалъ коренастый, съ прилипшей прядью русыхъ волосъ ко блу, подмастерье Нилушка.

Вскорѣ толки и споры притихли; играющіе снова стали по мѣстамъ, вразсыпную; морщинистый сѣдобородый Ильичъ давалъ теперь „свѣчки“ и партія его искусно ловила мячъ.

День былъ воскресный; стоялъ конецъ теплаго, мяг-

каго лѣта. Это время года мастеровой человѣкъ столярной Чemezова въ праздники успѣвалъ отдохнуть въ своей семьѣ, успѣвалъ погулять по городу и поиграть подъ вечеръ, до сумерекъ, за мастерскими-сараями, на пустырѣ, гдѣ у заборовъ росли въ перемежку крапива и полынь, а по гнилой изгороди взливами краенѣли лишай и какъ наросты сѣрѣлъ сѣдой мохъ; ближе къ воротамъ поднимались круглыми холмами кучи щепъ и стружекъ, по сторонамъ ихъ разбросаны были довольно большіе обрѣзки разнаго лѣса, — все это выбрасывалось изъ сараевъ столярной, какъ матеріаль, пригодный только на топку. На пустырѣ иногда ставились кѣзла, на которыхъ распиливались сосновыя балки и бревна для мастерской, — вообще же пустыръ былъ непріглядень, мраченъ и не радовалъ ничѣмъ глазъ... Оживалъ онъ только благодаря близости столярной, гдѣ мастеровъ, подмастерьевъ и подростковъ-учениковъ работало человѣкъ сорокъ: это была дружная, людная семья. Простая трудовая жизнь шла тутъ день за днемъ безостановочно: летѣли стружки подъ ловкой рукой изъ шершебели и рубанка, стучали неустанно топоръ, долото, визжала пила, вертѣлись неугомонно колеса на токарныхъ станкахъ, — работа кипѣла; на здоровыхъ раскраснѣвшихся лицахъ выступалъ потъ, высыхалъ и снова обильной росой

покрывалъ тѣ же лица. Но не видно было, чтобы трудъ тяготилъ этихъ людей, — въ свободныя минуты слышались веселая пѣсня, смѣхъ, прибаутка, острота и рассказы — и дѣло не стояло и изъ рукъ не валилось ни у кого...

Съ 8 часовъ утра молчаливые сараи съ верстаками гудѣли, какъ пчельный улей лѣтнею порой. Раньше всѣхъ являлся старшій мастеръ Ѳедоръ Синявинъ; задумчивый и сосредоточенный, молчаливо подходилъ онъ къ своему верстаку и, освободившись отъ верхняго пальто и фуражки, надѣвалъ широкій ремешекъ на голову, обхватывая имъ черные курчавые волосы, непослушно спадавшіе на глаза и лицо. Дверь въ сараѣ поминутно начинала хлопать, — собирались одинъ за другимъ работавшіе въ мастерской и шли къ „Потапычу“ — онъ здоровался съ каждымъ, раздавалъ работы, матеріалъ, не спѣша, бросивши часто два-три короткихъ слова: — „Ильичъ, на комодъ приналягъ... спѣшно!...“ — Сеня, ножки выточи по рисунку... чтобы въ аккуратъ!... — „Нилушка, собирай письменный столъ... надо его пускать въ полировку!...“ — Ладно!... отвѣчаютъ и Ильичъ, пощипывая рѣдкую, сѣдую бородку клинышкомъ, и краснощекій Сеня, и плечистый Нилушка, улыбаясь крупными губами. И мастерская закипаетъ жизнью, вы-

двигалъ день за днемъ ряды новыхъ стульевъ, красивыхъ креселъ съ хитрыми ножками, среди которыхъ тянутся столы, столики, высятся комоды, шкафы, — увозятся одни, имъ на смѣну поспѣваютъ другіе, новые. Проходятъ недѣли, мѣсяцы — работѣ нѣтъ конца. Мастерская Чемезова лучшая въ городѣ и заказы въ ней круглый годъ прибываютъ и прибываютъ. Народъ въ столярной, кромѣ Ильича и Наума, которымъ вдвоемъ лѣтъ сотню, работаетъ молодой, ловкій, да и Ильичъ съ Наумомъ не уступаютъ въ трудѣ молодымъ, — дѣло кругомъ кипитъ, каждый работу съумѣетъ одолѣть, выпустить ее какъ игрушку, — ей онъ живетъ, ей и гордится.

Солнце ушло уже за Лысую гору; длинная цѣпь облаковъ надъ горой покрылась румянцемъ; но крики и бѣготня на пустырь еще не стихли. Гряда румяныхъ облаковъ уплыла впередъ, побѣлѣла, надъ горой нависли новыя облака и покрылись лиловыми полосами; насталъ вечеръ, повѣяло холодкомъ. Игра на пустырь какъ-то сразу оборвалась; кругомъ смолкло; надъ пустыремъ повисли сѣрыя сумерки; по землѣ низко, едва видно, плавалъ легкій паръ; казалось, пустырь былъ безлюдень; но у забора что-то чернѣло, точно большая птица присѣла тамъ на отдыхъ, опустивъ на землю усталыя крылья, — это сидѣлъ на

обрубкѣ Ѳеодоръ Потапычъ, вдыхая полною грудью свѣжій вечерній воздухъ и устремивъ задумчивый взоръ на серебристую, чуть мигавшую, далекую звѣздочку, которую то застилали, то обходили прозрачныя жемчужныя облачка... Идти въ душную горенку, гдѣ жена готовить ужинъ, было еще рано, а тутъ, на воздухѣ, такъ хорошо — тишь, полумракъ, наводящіе на раздумье — и въ мечтательной головѣ Синявина невольно, какъ зеленые островки на большой рѣкѣ, всплываютъ воспоминанія прошлаго; на губахъ скользить улыбка, минутами срывается съ нихъ и вздохъ; но въ груди легко и пріятно... Прошрое, прошрое — какое бы не было оно, но вспоминать его временами, вспоминать пережитое, оставшееся тамъ, позади — такъ отрадно и сладко, — прошрое, какъ нѣжная весна съ ея душистыми цвѣтами, съ ея соловьиной трелью, съ ея льющейся неумолкаемо поднебесной пѣснью жаворонка, умѣетъ улыбнуться намъ, умѣетъ приголубить насъ материнской улыбкой, полною тепла, свѣта и ласки. Улыбался и Ѳеодоръ Синявинъ, глядя на дальнюю привѣтливую звѣздочку и погружаясь въ свое прошрое; не замѣтилъ онъ, какъ подошли къ нему въ полумракѣ двое учениковъ-подростковъ.

— Ѳеодоръ Потапычъ! окликнулъ его одинъ.

— А-а, что-о? отозвался онъ, точно въ просонѣ, освобождаясь отъ какихъ-то грезъ.

— Вотъ мы съ Николкой были въ Затонѣ, на Волгѣ... насбирали хорошихъ ракушекъ... Это твоему Митѣ... онъ будетъ играть!... пояснилъ поспѣшно другой мальчикъ, мѣшковато протягивая картузь съ цвѣтными раковинами.

— Спасибо, спасибо, Лавруша... теперь сынишка, поди, спать... Отнесите женѣ... Марьюшкѣ... Я приду домой и положу ему подъ подушку... утромъ онъ увидитъ, будетъ радъ... Спасибо!..

Лаврушка, а за нимъ и пріятель его Егорка Рындинъ бросились бѣгомъ отъ забора къ калиткѣ; Ѳедоръ Потапычъ съ любовью смотрѣлъ имъ вслѣдъ: „Ишь, вѣдь, шатуны, любятъ моего Митюшку... всякую всячину ему тащутъ!...“ сказалъ онъ въ раздумьи. И предъ нимъ поднялось и стало возставать картина за картиной его дѣтство. Припомнилось кое-что и изъ рассказовъ сестры и матери.

II.

Да, было время, когда и Ѳедоръ Синявинъ былъ такимъ же юркимъ и смѣлымъ мальчикомъ... Родился онъ

въ большомъ городѣ, въ темной коморкѣ. Жизнь, съ первыхъ минутъ, встрѣтила его не очень ласково, — и Оедюкъ, крохотный, худенькій, завернутый въ какое-то тряпье, какъ бы чуя, что кричать по пустому не къ чему, отъ крика легче не будетъ, сосалъ себѣ, что ему не сунуть въ ротъ, да изрѣдка тарасилъ мутные глазенки — то на безцвѣтныя, но для него интересныя, отсырѣвшія стѣны, то на темный потолокъ, или на желтое лицо матери, иногда и на бородатую фигуру отца, который, бывало, въ хорошія минуты, воруга какой-нибудь часъ у дневнаго отдыха, подержитъ его неумѣло на широкихъ ладоняхъ у впалой груди да развѣ скажетъ тоскливо: „Будетъ ли изъ тебя, паренекъ, прокъ-то какой?! А видишь ли вознито за тобой сколько... Господня воля!... Хватитъ ли достатковъ выростить-то тебя?“... Только тихимъ морганіемъ глазъ отвѣчаетъ на эти вздохи отца слабое дѣтище. И Потапъ Николаевъ родительски тихо да ласково улыбается ему и время отъ времени поглаживаетъ сына мозолистой рукой и по мягкому темени, и по блѣднымъ щекамъ... „Положи, Потапушка, на мѣсто... Не равно какъ повихнешь младенца-то, вишь, онъ хилый... Не мужицкое это дѣло съ ребятами нянчиться...“ Накинется мать, — и отецъ бережно положитъ сына комкомъ на прежнее мѣсто. Полюбоваться можно и издали, если

охота придеть, да выпадеть свободное время... И любит-ся отецъ на свое малое, неразумное дѣтище, — и у него есть отрадныя минуты тихаго забытья отъ тяжелаго поденнаго труда, вѣчно подстерегающей нужды и со-сущаго горя, — у кого ихъ нѣтъ?!. У всѣхъ они есть; а тѣмъ болѣе ихъ не мало у штукатура Потапа Ни-колаева Синявина... Да и какъ Потану иную минуту и не полюбоваться на сынишку, — вѣдь въ немъ всѣ его надежды на старыя, дряхлыя годы... И подъ гуленье отца, вздохи матери, да какое-то неясное за-ыванье маленькой сестренки, въ мутныхъ глазахъ крохотнаго ребенка то сливаются разомъ въ одну неопредѣленную точку всѣ близкіе родные предметы, то вырисовываются они въ занимательныя для него очертанія и линіи. Рано уйдетъ отецъ на работы; уберется мать съ незатѣйливой стряпней и тоже про-падетъ куда-нибудь стирать бѣлье; замѣтитъ Одея, какъ она пробирается къ двери мелкими шажками, — иной разъ рывкнетъ... — „Не до тебя, паренекъ!... Катерина, пригляди за братишкой!...“ крикнетъ оза-боченнымъ голосомъ мать, какъ бы въ отвѣтъ на дѣтскій плачь, — и захлопнется дверь, и стихнетъ все въ душномъ воздухѣ komórки. И тогда увидить ребенокъ, какъ опускается надъ нимъ растрепанная голова дѣвочки — шестилѣтки, — это и есть его се-

стренка. Когда всѣ уходили изъ коморки на дневные заработки, она почти не отходила отъ слабаго, безпомощнаго братишки и пѣла надъ нимъ что-то протяжное, жалобное, — такъ что издали можно было подумать: не плачетъ ли этотъ подростающій ребенокъ вмѣсто братишки, или по очереди съ нимъ въ пере-межку; но ея добрые, голубые глаза не были увлажнены слезой и свѣтились лаской и раннею заботой... И они-то, хорошіе, вдумчивые, выучили улыбаться пух-лая съ синеватой окраской губы братишки... Когда надоедникъ, какъ звала его мать, сталъ подро-стать, ему прежде всего пришлось узнать горечи жизни, благодаря своей подвижности и невѣдѣнію что такое край, низъ, верхъ... Обложили его ста-рой заячьей шубой на продолговатомъ конникѣ; и вотъ ему вздумалось порасправить руки и ноги — посмотреть, что есть подальше этого конника, — под-нялся онъ на колѣни, раскинулъ свободно ручки по мягкому заячьему мѣху, приналегъ на него... Что это?!.. все подъ нимъ и вмѣстѣ съ нимъ скользитъ, куда-то ползетъ... Бухъ!.. свалился кувыркомъ, — и все по-летѣло внизъ — шуба, руки и все его тѣло звучно шлепнулись... закружилась голова; но мягко и онъ внизу... пришлось крикнуть не столько отъ ушиба, сколько отъ неизвѣстности новаго положенія, гдѣ-то